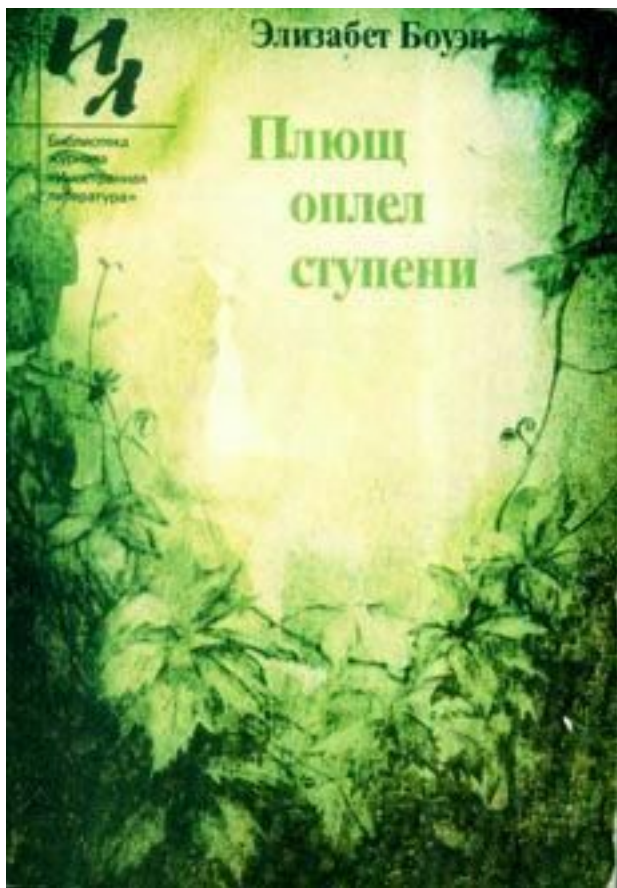

**И
Я**

Библиотека
журнала
«Молодая
литература»

Элизабет Боуэн

**Плющ
оплел
ступени**

Элизабет Боуэн

№ 16

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161893

*Элизабет Боуэн «Плющ оплел ступени». Библиотека журнала
«Иностранная литература»: Известия; Москва; 1984*

Аннотация

В эту книгу включены рассказы английской писательницы Элизабет Боуэн, написанные в разные периоды ее творчества. Боуэн – тонкий, вдумчивый мастер, она владеет искусством язвительной иронии, направленной на человеческие и социальные пороки

Содержание

Элизабет Боуэн

№16

Когда впервые подходишь к дому Максимилиана Бьюдона, обогнув «Террасу Медузы» с восточной стороны, невольно теряешься, думая, что тебя разыграли. А приходили теперь к Максимилиану лишь те, кто вовсе не был готов к подобным сюрпризам, – восторженные мечтатели из провинции, новички в чужом им Лондоне, не ведавшие, что интерес к Максимилиану Бьюдону давно угас. Представьте себе на свой вкус живописную виллу знаменитого писателя в Сент-Джон Вуд: под окнами – жасмин, в доме – *objects d'art*¹. Но Максимилиан уже лет пятнадцать не относился к числу знаменитостей. Правда, он еще сводил концы с концами, пока медленно затихали последние отголоски вызванной им когда-то сенсации. Тем временем лепнина на фасаде осыпалась, пилястры растрескались, парадный вход забили.

Дома на холме в Сент-Джон Вуд – зримое воплощение изменчивости судьбы; своим запустением они придают окружающему нереальность сна. Пройдите по этой улице – и вы погрузитесь в фантасмагорию архитектурных привидений. Шаг за шагом перед вами разворачивается картина разрушения, от которой даже здорового человека кинуло бы в озноб (а у Джейн Оутс был сильный жар). Над студиями, увитыми

¹ произведения искусства (*франц.*).

виноградом на шпалерах, возвышаются унылые многоквартирные дома, спрессованные города из желтовато-коричневого кирпича. На месте снесенных вилл прорыты глубокие траншеи, сады перекопаны. Перекрестье пустынных дорожек, усыпанных сероватой штукатуркой, холодные застекленные галереи, решетки оград. Белая улица в нефритовой зелени стремительно сбегает с холма, но сверните за любой угол, и вы тотчас окажетесь на убогой, тусклой, затхлой улице, типичной для Пимлико. Тут и там между замшелыми фамильными гнездами в готическом стиле вклинились покинутые, остывшие дома с фиолетовыми стеклами, еще числящиеся в списках у какого-нибудь агента по продаже недвижимости. Вот некогда пленительная, а ныне совсем дряхлая вилла, приготовившись к неминуемому позору, ожидает скупщика старых домов; по соседству прихорашивается точно такая же вилла – кругом ведра с краской, снуют, насвистывая, рабочие. Все это похоже на развалины старого города. Человеком новым овладевает здесь какой-то непонятный страх, словно его преследует кошмар.

А Джейн Оутс к тому же лихорадило: у нее был жар, она поднялась утром с постели, хотя чувствовала себя еще совсем больной. Но сегодня – сейчас – ей предстояло свидание с Максимилианом Бьюдоном, а ради этого она не то что с постели, из могилы готова была подняться. Инфлюэнца, но скорее восторг перед кумиром заставлял учащенно биться пульс. Письмо с приглашением к ленчу пришло в первый

день болезни, и она решила: умру, но пойду. Днем перед ней медленно проплывали видения их встречи, ночью в горячке она переживала взлеты восторга. И вот теперь, направляясь к «Террасе Медузы», она от нетерпения раньше времени вышла из автобуса. Ноги будто свинцом налились, поясницу ломило, в ушах звенело, но в голове была холодная ясность.

Согретый оттепелью, Лондон искрился, нежась в солнечных лучах. В садах еще кое-где лежал снег. От Баттерси-парка Джейн добиралась на автобусе. Она жила в провинции и впервые оказалась в Лондоне. Она приближалась к вилле Максимилиана, и все в этом лабиринте деревьев и домов казалось ей значительным или исполненным тайны. Воспаленным глазам было больно смотреть на солнце. В Джейн была тихая прелесть деревенской красавицы и едва заметная старомодность.

Осенью, месяца три назад, вышла первая книга Джейн. Наивная, но довольно своеобразная; имя автора было совсем новым, и потому детище Джейн не имело особых шансов на успех без протекции какой-нибудь именитой особы. В Лондоне у Джейн не было знакомых, которые могли бы привлечь к книге внимание. Издатель сам постарался – выпустил роман изящным форматом, в ярко-красном переплете, дважды устраивал в честь Джейн ленч (на которых она не решалась слова вымолвить) и надеялся, что тем самым обеспечил книге *succis d'estime*². Для какой-то газетенки рецензию напи-

² умеренный успех (.франц.).

сал Максимилиан, он не просто подал книгу, а сделал из нее гвоздевой материал номера. Получив вырезку и увидев фамилию автора, издатель только плечами пожал. Но Джейн была на седьмом небе от счастья. Она выучила рецензию наизусть и с утра до вечера благодарила судьбу. Подумать только, *он* заметил ее книгу и *так* написал о ней! Эта негаданная книга словно выпустила ее из неволи; теперь же рецензия Максимилиана окрылила ее. Джейн отправила ему благоговейное письмо, в котором призналась, что она его давняя поклонница. С семнадцати лет (теперь ей было тридцать) не пропускала она ни строчки, под которой стояло его имя. Натура впечатлительная, Джейн уединенно жила в провинции. В ее пристрастиях была неискушенность самобытного художника – ведь такой художник, как дикарь, простодушно тянется ко всему, что блестит, а когда разберется, что к чему, сам уже утрачивает невинность восприятия.

Примерно через неделю Максимилиан Бюдон ответил на ее письмо, завязалась переписка. Джейн призналась, что кроме прозы пишет стихи, но не осмеливается их показать. Он написал, что женат; спросил, замужем ли она; Джейн ответила, что еще не была влюблена. Перед рождеством она известила его, что вдвоем с приятельницей сняла квартиру в Баттерси-парке и думает месяца три пожить в Лондоне. Когда Джейн, уже больная, приехала в Баттерси-парк, ее ждало письмо; Максимилиан приглашал на ленч и просил принести стихи.

Они были с ней, в папке под мышкой. Джейн не волновалась; лихорадка притупила все чувства, измотала ее. Но, свернув за угол к «Террасе Медузы», она остановилась как вкопанная – любой бы остановился. Джейн прикрыла глаза рукой, потом снова взглянула, но увидела то же – обращенную на север террасу с облупленной сырой штукатуркой, потонувшую в собственной тени, покосившуюся, пустую, с заточенными в ней отзвуками умолкших голосов. Двери заколочены, окна забиты досками или покрыты толстым слоем сажи. В саду грязный затоптанный снег. Кажется, еще немного – и свершится Страшный суд; здесь любому стало бы не по себе.

– Наверное, я... Не мог же он...

Она посмотрела на номера домов, приколоченные у разбитых окон над парадными дверями. Между часом и двумя, писал он, № 16. Вступив в тень, Джейн зябко поежилась – до этого она старалась идти по солнечной стороне – и пошла вдоль фасадов. Дойдя до угла, собралась с духом и подняла глаза: на этом последнем по улице доме висела табличка – №16. Сквозь запыленные стекла, будто оранжевые призраки, проступали портьеры. Солнечные лучи проникали через окно, выходящее во двор, и дробились искорками на воздушных шарах, подвешенных в дверном проеме. Эта обитаемая часть дома соединялась с мертвой громадой террасы. Джейн поднялась по ступенькам и позвонила.

На второй звонок дверь открыла женщина. Поправив спа-

дающую на глаза прядь седых волос, она взглянула на Джейн, на папку под мышкой.

– Господи, надеюсь, вы не мисс Оутс?

– Я...

– Боже мой. Ваш телефон не отвечал, я послала вам телеграмму с просьбой отложить визит. Уже несколько дней как муж болен. Он понемногу встает с постели, но еще никого не принимает. Только сегодня утром он вспомнил, что пригласил вас, да и я совсем забыла... Как жаль, что так вышло. О господи!

При этих словах Джейн почувствовала страшную слабость и покрылась испариной; она заметила бусинки пота и лихорадочный румянец на лице миссис Бьюдон. А та, прижав ко лбу ладонь, объяснила:

– У нас инфлюэнца.

– У меня тоже.

– Похоже, она всюду.

– Простите, но я не получила вашей телеграммы. Мне долго до вас добираться, и я рано вышла из дома...

– Нэнси, – послышался голос из глубины дома, – пусть мисс Оутс войдет.

Джейн, лишившуюся дара речи, впустили в небольшую прихожую; здесь на всем лежала печать запустения – дубовый ящик с письмами, приготовленными для отправки, эстампы на отсыревших обоях, тяжелый запах бульона. Джейн вошла в комнату и увидела Максимилиана; он стоял под

связкой разноцветных шаров. В этой, темной, и в следующей, солнечной комнате с окнами во двор тихонько гудели две старые газовые печки. Максимилиан театрально развел руки, моля о прощении, – он казался распятым на столбе солнечного света.

– Что вы теперь обо мне думаете! – воскликнул он.

Солнце слепило глаза, и она стояла в совершенной растерянности. Наступило короткое молчание, Джейн возилась с папкой. Максимилиан снова заговорил:

– Как хорошо, что вы разминулись с телеграммой!

– Мне лучше уйти.

– Нет, не уходите. Ленч состоится. – Неуверенным, замедленным, как во сне, движением протянул руку, и горячие сухие пальцы Джейн ощутили его пылающее пожатие.

– Но вы нездоровы.

– Это не имеет значения, – нахмурившись, упрямо ответил он.

Они сели на диван; Джейн смотрела на Максимилиана, на его открытый лоб, очки, скрывающие тоскливый, но все же горящий взгляд, на нервные, суетливые движения непрестанно шарящих рук. Максимилиану было около пятидесяти; он казался разочарованным и усталым. Поредевшие мягкие волосы зачесаны назад, небольшие усы. Он улыбнулся и сказал с легким укором:

– Вы, верно, решили, что я переехал.

– Да, я так подумала, когда подошла к дому.

– Так все думают, и знаете, это избавляет меня от непрошенных гостей. Посмотрят, посмотрят и уходят восвояси. «Он переехал», – говорят они другим. Многих это останавливает. «Никто не знает, где он теперь. Там, где он жил раньше, все снесли. И следа не осталось...»

– Зачем вы так! – мягко упрекнула Джейн.

Максимилиан повторил:

– Так я избавляюсь от гостей. Простая уловка.

Джейн, робко осматриваясь, возразила:

– Но рано или поздно...

– О да, нас снесут... – ответил Максимилиан и провел рукой по лбу.

– Если вас это огорчает...

Миссис Бьюдон, накрывавшая на стол в соседней комнате, сказала:

– Его ничто не огорчает. Просто, когда мы уедем, ему будет не хватать этого дома. Но мы еще долго здесь проживем; строители начнут с другого конца улицы. Они работают споро и страшно шумят. Вот тогда нам придется решать...

– Как жаль, – откликнулась Джейн.

– А мне ничуть не жаль, – сказала миссис Бьюдон. – Наконец что-то определится, – она наклонилась поправить вилку. – Ни он, ни я не можем принимать решения.

– Решить можно быстро, если только захотеть, – возразил ей муж.

– Все наши соседи давным-давно уехали: им казалось, что

вот-вот должно что-то случиться, но, как видите, ничего не случилось. Правда, бывает не по себе, когда подумаешь, что, кроме нас, здесь никто не живет. Порой такое впечатление, что мы не одни. Особенно когда бессонница или лежишь в постели больная... Вот и теперь мужу все время чудилось, что в соседнем доме кто-то играет на рояле. «Пойди туда, – попросил он меня вчера, – и скажи, что мне нравится, как она играет. Попроси ее поиграть еще...» Да, ты так говорил, Максимилиан, но в доме номер пятнадцать никто не живет, дом заколочен, под балконом трещина.

И, недобро рассмеявшись, она посмотрела на мужа.

– Меня этот дом устраивает, – отрезал он. – Нас, что же, не собираются кормить?

Миссис Бьюдон взяла поднос и, тяжело ступая, вышла из комнаты.

Легкий пар поднимался над тарелками. Джейн Оутс ела, не чувствуя вкуса: она обожгла рот бульоном, и теперь рыбный пирог лежал на языке, словно вата. Бьюдоны представляли собой еще более жалкое зрелище. Джейн не слышала, о чем говорят, она вообще перестала слышать. Когда ленч подходил к концу, она почувствовала слабость и уронила голову на руки. Максимилиан налил себе стакан воды. Солнце покинуло сразу же потухшую террасу дома напротив, вслед за ним из северной комнаты ушли тени. Кто-то встал из-за стола; Джейн приподняла голову, и Максимилиан сказал:

– Нэнси пошла приготовить кофе.

– Здесь слишком яркое солнце.

– Самое мучительное время дня, – согласился Максимилиан.

Джейн осмотрелась. Они сидели спиной к полкам с книгами, залитым ровным светом угасающего дня. Она взглянула вверх, на трещины, пересекающие потолок, и на связку шаров – воздух уже вышел из них, и они сморщились, как сухие виноградины.

– Откуда здесь эти шары?

– Их продавал человек на улице, он все ходил взад и вперед, вот я и купил у него все шары.

– Как великодушно.

– Я подумал, мой долг – сделать это, – Максимилиан закинул руку за спинку кресла; он отвернулся от Джейн, в его резком движении было что-то безумное.

– Мистер Бюдон, вам не надо разговаривать.

– Но ведь наша первая встреча никогда не повторится. Мы больше никогда не будем вот так сидеть и говорить, не отдавая себе отчета в собственных словах.

У Джейн в ушах звенели птичьи голоса и шумел водопад; вошла миссис Бюдон с подносом и стала разливать кофе; она что-то говорила, но Джейн только улыбалась и не слушала ее.

– Максимилиан, твой кофе остыл. Что ты крутишься, от солнца все равно не спрячешься. Лучше поди ляг. Мисс Оутс

простит тебя.

– Мисс Оутс посидит со мной и почитает свои стихи.

– Что ж, почитайте, мисс Оутс, но ему нельзя разговаривать. Когда он заснет, можете тихонько уйти. Мне тоже лучше подняться к себе и лечь.

Максимилиан прошел в другую комнату и лег на диван. Миссис Бьюдон укрыла ему ноги пледом; вскоре от пледа потянуло горячим запахом шерсти, прогретой в тепле газовой печки. Наверху послышались шаги миссис Бьюдон; за скрипела пружина – она легла. Максимилиан сплел пальцы и прикрыл ими глаза. Джейн взяла папку и села на скамеечку; подперев щеку, облокотилась на столик для пишущей машинки. Их больше не томило по-зимнему холодное солнце; его косые лучи падали на сад, на ветви деревьев. Джейн и не подозревала, что знает свои стихи наизусть, но теперь, словно под гипнозом, слышала, как произносит их. Ей стало страшно: что сейчас произойдет? Что-то надвигалось на нее из сумрака комнаты; она не могла понять, что это с ней, и ей снова сделалось страшно. Джейн замолкала, и тишина обволакивала их, рождая неизъяснимую тревогу. Казалось, где-то в городе остановились огромные часы.

Джейн сидела опустив глаза, будто читала, но вот, сделав паузу, взглянула на Максимилиана, на его суровое лицо, приподнятое на подлокотнике дивана, на сплетенные пальцы, закрывающие глаза. Вдруг он сказал: «Довольно». Она смолкла на полуслове.

– Как вы прекрасны!

– Но вы же не видите меня!

– Я помню, как вы стояли в лучах солнца. Такая же больная, как и я. Должно быть, вы – та прелестная соседка. Это вы вчера играли на рояле.

– Вчера я лежала больная в постели.

– Все равно это вы играли вчера на рояле. Подойдите ко мне, Джейн.

Джейн уронила стихи на пол и опустилась на колени около дивана. Максимилиан открыл глаза, потом схватил ее за запястья, прижал пальцы к своим вискам.

– Пламя и боль, – проговорил он. – Вы дарите мне музыку. А вы, что слышите вы?

– Шум водопада, – она чувствовала, как у него под ладонью бьется тонкая жилка на ее руке. – Так нам станет совсем худо. – Он закрыл глаза, она смотрела на его лицо. – Если бы у меня были прохладные руки!

– Тогда бы вы ушли. Пройдет болезнь, и я потеряю вас, – говорил он, прижимая ее пальцы к вискам. – Все исчезнет, как этот дом. И следа не останется. Некуда будет возвращаться. – Он резко отпустил ее руки. – Но я и не хочу, чтобы вы возвращались.

– Почему?

– Скоро поймете.

– А мои стихи...

– Унесите их. Сожгите. Вы обманываете сами себя.

– А вы?

– Я человек конченный. Вы еще не понимаете. Истина открывается нам только в болезни – музыка, которую я слышу, водопад, который слышите вы. Ваш образ передо мной, такой близкий. Мы носим вечность в душе – это тайна, которой мы никогда, никогда не должны изменять. Взгляните, что сделало со мной время, как оно предало меня. Никому не рассказывайте обо мне.

– Но вы же похвалили мою книгу, – сказала она взволнованно и поднялась.

– Мне надо на что-то жить. Мог ли я написать в газете: «Лучше бы она отсекла себе руку, но не бралась за перо»?!

– Разве мы не должны верить друг в друга?

– Подойдите сюда. Положите голову рядом. – Максимилиан отодвинулся к спинке дивана, и Джейн, присев на корточки, опустила голову на освободившееся место. Голос Максимилиана звучал все глуше, веки сомкнулись. – Прелестная соседка, – бормотал он, – прелестный смятенный друг.

– Но Шекспир...

– Спите, Джейн, все пустое, спите.

Миссис Бюдон проснулась и отправилась на кухню приготовить чай. Она поставила чайник на огонь, затем прошла в комнату, зажгла свет и увидела, что Джейн и Бюдон спят, прижавшись друг к другу лбами: он лежал на диване, она, изогнувшись, стояла рядом на коленях. Они были похожи на самоубийц. В комнате пахло теплой шерстью. Миссис Бю-

дон задернула шторы, наклонилась к Джейн и легонько тронула ее за плечо:

– Пора пить чай.

Джейн очнулась; миссис Бьюдон подала ей руку, помогая встать. Максимилиан тяжело дышал во сне.

– Мне пора уходить.

– Сначала выпьем горячего чая. У вас совсем скверный вид. Он будет спать, – сказала она, даже не взглянув на диван, – и вы сможете уйти, когда захотите.

Женщины тихо беседовали в гостиной за чаем, стараясь не разбудить Максимилиана. Ради собственного покоя им не хотелось его будить. Из того, как миссис Бьюдон говорила о муже, Джейн поняла, что он вызывает в ней угрюмую, безрадостную, не согретую любовью жалость верной жены. Весь ее понурый вид говорил, что она смирилась со своей участью – быть женой несостоявшегося человека. Должно быть, ее замужество было ошибкой молодости.

В голосе миссис Бьюдон звучала доброжелательность, от которой Джейн охватила щемящая тоска. Миссис Бьюдон сказала:

– А все-таки хорошо, что вы пришли сегодня. Надеюсь, вы не зря ехали в такую даль. Не обижайтесь на мужа, он просто нездоров, сами знаете, что такое инфлюэнца. Максимилиан всегда проявляет интерес к молодым писателям, хотя, мне кажется, он стремится лишить их веры в себя. Он любит им говорить: «Бросьте писать».

– И они слушаются его советов?

– Они думают, что он шутит, – ответила миссис Бьюдон, ища глазами сахарницу. – Или завидует им. Но, право, он относится к ним с искренним интересом. И огорчается, когда они больше не приходят.

Джейн попыталась посочувствовать человеку, спящему в соседней комнате. Она еще ощущала его близость – а ведь он всего лишь держал ее за руки, но никто прежде к ней так не прикасался. Теперь, слушая спокойный голос миссис Бьюдон и начиная догадываться о правде, она возвращалась к действительности. Он и меня потерял, подумала она. Выздоровею, буду несчастна.

– Вам непременно надо идти? – спросила миссис Бьюдон. – Возможно, вы правы, глаза у вас совсем больные. Вызвать такси?

– Нет, благодарю. Мне это не по карману.

– Не забудьте стихи, – сказала миссис Бьюдон и пошла за папкой. – Я уверена, они превосходны.

Джейн услышала, как в другой комнате заворочался во сне Бьюдон и что-то вскрикнул – испуганное восклицание спящего. Она не пришла к нему на помощь, а поспешила за миссис Бьюдон в прихожую. Через открытую парадную дверь виднелись ступеньки, уводившие во тьму.

– Как-нибудь пройдите мимо нашего дома, – сказала миссис Бьюдон, – и посмотрите, здесь ли мы еще.

Гулко рассыпалось эхо по террасе, вздрогнувшей от двер-

ного хлопка. Фонарь высветил унылый фасад. В тишине улицы далеко разносился громкий звук одиноких шагов; Джейн шла по совсем пустой улице; рояль молчал. Когда Джейн села в автобус, все уставились на нее... Дома, на столике в прихожей, она нашла телеграмму. Сунула стихи за секретер, взяла телеграмму и легла в холодную постель. Ночью она вставала, зажигала лампу, перечитывала – «никого не принимает». В темноте ей мерещился голос Бюдона: «Спите...» Под ухом в подушке глухо отдавались шорохи и скрипы, шорохи и скрипы, те, что поселяются в домах, дни которых сочтены.